…кие люди русского народа

С. НАГОРНЫЙ

СЕДОВ

Молодая Гвардия — 19[illegible]

ибо и впрямь никакой особенной опасностью эти зуб
не грозятъ.

Мы переходимъ къ изученію ряда относительных
еще меньшей тяжести. Я имѣю въ виду воспаленіе пу
рое тоже въ иныхъ случаяхъ даетъ право на экстр
хотя вообще пульпиты представляютъ собой заболѣвані
рыхъ всегда проводится консервативное леченіе. Къ ра
питовъ, дающихъ право на экстракцію зуба на пер
долженъ быть отнесенъ пульпитъ зуба мудрости. Такъ
мудрости принадлежатъ къ разряду вырождающихся
какъ ихъ жевательная функція въ аппаратѣ
такъ какъ, наконецъ, въ большинст

ВЕЛИКИЕ ЛЮДИ РУССКОГО НАРОДА

С. НАГОРНЫЙ

Георгий Яковлевич СЕДОВ

Издательство ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1944

Отв. редактор *В. Сафонов.*
Подписано к печати 7/I 1944 г.
Л34022. Тираж 25 000. Зак. 1797.
$2\frac{1}{2}$ печ. л. 3,3 уч.-изд. л.
44160 зн. в печ. л.
Цена 1 руб. 25 коп.

Фабрика юношеской книги
изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая
гвардия».
Москва, ул. Фридриха Энгельса, 46.

Когда советские люди, по сталинскому плану освоения Арктики, предприняли широкое наступление в неисследованных морях и землях Севера, имя Седова и дело его жизни возродились в народной памяти.

Корабль, на котором группа советских полярников с такой великой славой пересекла ледяные пустыни, носил название «Георгий Седов».

Кто же был этот человек, погибший тридцать лет назад? Почему нам так дорого его имя и память о нем?

Георгий Яковлевич Седов был организатором и начальником первой русской экспедиции к Северному полюсу. Он отдал все свои силы и жизнь за честь и славу родины.

Это был человек несгибаемой воли, богато одаренный теми свойствами ума и сердца, которые отличают русского человека: пытливостью, размахом, отвагой, жизнерадостностью, готовностью умереть за отчизну.

Свою жизнь он посвятил великому и благородному замыслу. Трагические обстоятельства погубили Седова, но до последней минуты не могли сломить его воли, не смогли заставить отказаться от той цели, которую он для себя выбрал. Он жил и умер как патриот своей родины, России.

СЫН РЫБАКА

В Приазовье, в области Войска Донского, в многолюдной казацкой станице Новониколаевской люди жили богато; дома их, крытые розовой фигурной черепицей, выбеленные мелом и разрисованные синькой, стояли среди кудрявых садочков. Разрослась станица на черноземе, среди пшеничных полей, недалеко от морского берега, песчаного и плоского; на берегу казаки держали флютилию вместительных плоскодонных лодок и сети — каждая длиной в двести-триста сажен.

Поближе к берегу, на сухой песчаной земле, вытянулись вдоль улицы в акациях хатенки хутора Кривая Коса. Из окошек хуторских хат всегда видно было море — белесое летом, покрытое ледяными полями зимой, бурное, в пене, осенью. Даже и ночью море напоминало о себе запахом, соленым и чуть гнилостным, и шумом, ласковым или ворчливым.

Здесь в 1877 году родился и жил в детстве Георгий Седов. Отец Георгия был рыбаком,

Седовы происходили от тех русских мужиков, которые, спасаясь от голода и безземелья, «шли в хохлы», на юг, в самые казацкие области.

Очень рано, лет с семи-восьми, Егор Седов понял необходимость трудиться ради хлеба и научился терпеливой работе от зари до зари, на берегу, под палящим солнцем, среди обсыхающих шаланд.

Беловолосый и круглоголовый, веснущатый, крепконогий и увертливый, он воюет во главе ватаги кривокосских рыбальчат с юными станичниками, щеголяющими в отцовских форменных картузах и в перешитых шароварах с лампасами. Он подстерегает их у церкви перед выходом из приходской школы, которая ему недоступна.

Его берут в море, и он помогает отцу в промысле, спит на куче снастей, в то время как парус хлопает над ухом и мачта скрипит, а лунная дорога ведет через все море к таинственным и заманчивым странам...

В этих поездках он узнает, что такое опасность и как следует к ней относиться. Рабочая деловитость рыбаков, сопротивляющихся гибели, которая во время жестоких штормов ежеминутно подкатывается под хрупкое днище лодки, — эта мужественная деловитость перед лицом опасности была усвоена мальчиком, и только много позже он узнал, что для нее есть название: храбрость.

Десяти лет он пережил приключение, едва не

стоившее ему жизни. Это было зимой, когда Азовское море покрывается хрупкой и обманчивой коркой льда. Старшие были на подледном промысле, в нескольких верстах от берега. Трех мальчуганов, и в их числе Егорку Седова, послали из дому к рыбакам отнести полдник. Эти краюхи домашнего крутого хлеба и вареные картофелины в казанках только и спасли мальчиков. Ребята прошли большую часть пути, когда наткнулись на полынью, черным зигзагом рассекавшую ледяное поле. Повернули назад, пробежали шагов сто и убедились, что и от берега их отделило водой: подул береговой ветер, быстро перемешавший едва скрепленные между собой ледяные поля. Льдина, на которой оказались три мальчика, была пятнадцати-двадцати сажен в поперечнике. Она вертелась между другими такими же. Лед несло в открытое море. Надвинувшийся вечер скоро запрятал берега в синем сумраке. Мальчики увидели вокруг себя темное пустынное море и, сев в кружок на одинокой теперь уже льдине, заплакали...

Через три дня их нашла шаланда с соседнего хутора. Они посинели от холода. К счастью, им почти не пришлось голодать. В запасе были еще три картофелины и три одинаковых куска хлеба — остаток тех порций, на которые поделил всю еду Егорка Седов.

Когда мальчиков доставили в Кривую Косу, Егорка заметил, что мать его как-то похудела.

Впервые он испытал нежную родительскую ласку и на всю жизнь запомнил ее.

Бедность и обычай, казалось, предопределили его судьбу. Он уже большой парень, но грамоте не обучен. Он просился в школу. Отец высек его: школа не для сына рыбака. Но мать, тронутая его детским горем, поддержала мальчика. В четырнадцать лет он достиг своего. Вскоре за отличное ученье в приходской школе он получил от учителя красный кушак.

Он с гордостью носит этот кушак. Впервые пробуждено его честолюбие.

Трехклассную школу он окончил в два года. Дальше учиться нечему и незачем. Ему уже шестнадцать лет — это возраст работника. Отец сговаривается с приказчиком генерала Иловайского, и Егор Седов начинает батрачить в имении. Через восемь месяцев он возвращается домой, повзрослевший и непокорный: срок договора с Иловайским не окончился, но он бросил имение и убежал.

— Каторга, — только и сказал он в объяснение своего поступка.

— В студенты задумал?! — с угрозой спросил Яков Евтеевич, потому что слышал от самого учителя, что сыну его надо учиться дальше.

Егор пошел не учиться, а снова в работники, в торговый склад. Беднота целой округи была в кабале у помещика Фролова, владельца этого склада, в котором продавали рыболовную снасть,

соль и другие товары, нужные рыбаку. Егор Седов катал бочки, таскал мешки, чинил сети и паруса, сторожил склад. Молодой работник нравился хозяину — он был не только силен, ловок, вынослив, а еще и грамотен, что встречалось совсем уж редко. Ему положили на второй год службы огромное, по тем местам, жалованье — десять рублей в месяц. Судьба юноши, так хорошо начинавшего, по кривокосским взглядам, была обеспечена. Уже и девушки хуторские заглядывались на Егора, когда в воскресенье он проходил по улице в картузе с лаковым козырьком и с веточкой мяты, лихо заткнутой по местной моде за ремешок.

На взгляд родителей, он был хороший работник и заботливый сын, отдававший в семью весь заработок. Соседи считали, что сын Якова Евтеевича вот-вот вытянется в женихи и будет добрым хозяином. Сверстники любили Егора за веселый нрав.

Но лишь немногие знали, что жизнь юноши уже давно раздвоилась. Вечерами, когда склад запирали, в чулане Егора загоралась свеча. Он раскрывал книгу. Она вела его в другую, тайную жизнь, чудесным образом заключенную в строчках; ему становились доступны все страсти, на которые способны люди, и все земли, моря и города, которые может увидеть или вообразить человек.

Так изо дня в день обыденное существование,

обыденная работа днем, а вечерами ни с кем не разделенная вторая жизнь, в которой спутниками Егора Седова были то Робинзон, то Суворов и Михайло Ломоносов, то отважные пираты или вожди диких племен.

В нем поселилась уверенность, неизвестно на чем основанная, что рано или поздно он покинет Кривую Косу для каких-то необыкновенных дел и подвигов.

Скоро эти мечты приняли характер более реальный. Егор свел дружбу со стариком-капитаном парусно-моторной шхуны, доставлявшей на склад Фролова соль и другие товары. Капитан видывал на своем веку виды, любил рассказывать всякие морские истории и рад был жадному любопытству молодого работника. Бывало судно отстаивалось от непогоды по два-три дня, и тогда Егор Седов совсем переезжал в крохотную каюту капитана, пропахшую всеми запахами морского холостяцкого быта. Посасывая коротенькую трубку с наполовину отгрызенным мундштуком, капитан рассказывал о стоянках в чужеземных портах, о штормах и кораблекрушениях, о матросских бунтах и контрабандных рейсах, о встречах на больших океанских дорогах. Седов сидел на пустом ящике из-под мыла и слушал. Время от времени капитан многозначительным жестом опрокидывал только что опустошенную бутыль пива, и Егор стрелой мчался на берег за новым запасом.

Однажды, прощаясь перед отплытием, капитан сказал работнику:

— Чтой-то я примечаю, не у своего места живешь ты, хлопец...

Егор ответил, что хочет стать моряком.

Капитан крякнул и веселыми глазами посмотрел на своего юного приятеля.

А в следующий раз, когда прибыл для склада новый груз соли, старик завел разговор, которого с волнением и надеждой ждал Седов. Он сказал, что можно исполнить задуманное, если быть двужильным, и пытливо посмотрел на Седова. Тот утвердительно кивнул. Голодать, может быть? Седов кивнул. Работать, как сто чертей? Седов сказал:

— Это могу.

Тогда капитан назвал город и место, куда обратиться. Остальное — соображай сам. На том и простились навсегда.

Однажды в дождливый день ранней весны, в бойкий город Ростов на Дону вступил парень восемнадцати лет от роду. Вошел он в город с доброй палкой, чтобы отбиваться от собак, с хлебом и салом, запрятанными в котомку, где лежали еще запасная рубаха и паспорт. Эти припасы да еще готовность к любым испытаниям — вот все, с чем явился молодой Седов завоевывать свою судьбу.

Ему повезло. Директор мореходного училища понял, что за человек стоит на пороге его каби-

нета, с фуражкой в руках и с котомкой у ног. Седов рассказал все — и как добивался у родителей, чтобы пустили в школу, и как читал книги, и что сказал ему старик-капитан, и как бежал он из дому, пробираясь в Ростов от станицы к станице пешком и лишь иногда на тормозе товарного вагона.

— Хорошо, — сказал директор, — ты должен выдержать экзамен. Приходи послезавтра.

Экзамен он выдержал. Кое-чего он не знал, но то, чему учили в школе, помнил, как собственное имя. С этого дня он стал не Егором уже, а Георгием.

— Занятия осенью, — сказал директор. — Куда же ты теперь?

Седов поступил матросом на пароход «Труд», принадлежавший судовладельцу Кошкину. Через много лет, вспоминая годы своей юности, он говорил, что родился под счастливой звездой. Работать летом матросом, а зимой на заработанные деньги жить и учиться — вот счастье, которое не всякому дается.

В 1898 году он окончил мореходное училище и написал письмо родителям, в котором просил прощения за побег и сообщал с гордостью, что стоит на верной дороге, потому что имеет диплом штурмана.

Он был уверен, что звание штурмана открывает все пути к тем большим делам и подвигам, о которых он мечтал.

Он не пал духом и в те месяцы после окончания училища, когда голодал в Ростове в ожидании свободной вакансии.

Однако вместо больших дел и подвигов ему пришлось возить керосин из Батума на пароходе «Султан», потрепанном, как старый башмак.

Хозяин «Султана», турок, не без умысла доверил свою дряхлую посудину новоиспеченному штурману. Ему нужны были деньги, он хотел получить страховую премию за свой пароход. Был испытанный способ, оставалось лишь найти сговорчивого капитана. Седов, изголодавшийся в ожидании работы, казался турку подходящим человеком. Однажды в море хозяин сказал прямо:

— Если посадите судно на камни, получите десять процентов страховки.

Седов подумал, что хозяин шутит. Но тот достал из бумажника приготовленный вексель и помахал им перед носом капитана.

— «Султан» идет в Новороссийск, — сказал Седов и ушел в свою каюту.

Ночью хозяин пришел на мостик.

— Вы карту хорошо знаете, — сказал он. — Кажется, это здесь?

Действительно, судно проходило вблизи от подводных камней.

— Мы идем в Новороссийск — ваш приказ, — отвечал Седов.

Хозяин снова зашептал, так чтобы рулевой не услышал, о страховой премии.

— Я сказал: на камни судно не поведу! — рявкнул Седов.

Хозяин скатился с мостика и больше уже не являлся.

В Новороссийске Седов получил расчет. Через месяц он прочитал в газете, что «Султан» сгорел, команда вся спаслась, а хозяину выдали страховые.

В это время он готовился к новому решительному шагу, почти столь же значительному в его жизни, как бегство из дому. Он не хотел возить керосин или соль по проторенным морским дорогам, и ему не нравилась зависимость от торгашей-судовладельцев. Теперь он увидел, как далека действительная жизнь штурмана от его юношеских мечтаний.

Прежде всего он поехал в Севастополь. Явившись к военно-морскому начальству, записался добровольно, или, как тогда говорили, охотником, в военный флот. Его зачислили в учебную команду. Диплом мореходного училища был принят во внимание. Седов был назначен штурманом на учебное судно «Березань». Через полтора месяца он сдал экзамен на прапорщика запаса флота.

После этого он отправился в Петербург. Впереди было самое трудное препятствие. Он хотел сдать экстерном экзамен за морской корпус, чтобы получить чин поручика. Для этого нужны были знания, намного превышавшие те, что он успел приобрести в приходской школе и в

мореходном училище. Морской корпус оканчивали его сверстники, с детства обучавшиеся у многих учителей; они никогда не чинили сетей, не таскали мешков, не голодали, не тянули матросскую лямку на грузовых пароходах. Впервые ему предстояло состязаться с такими людьми.

Но никаких знаний не было достаточно, если в паспорте у человека стояло: мещанин. Чин поручика — первый офицерский чин — мог быть получен только дворянином.

Это было препятствие почти непреодолимое. И все же Седов преодолел его, страстно стремясь к своей цели. Его допустили к экзамену. Как удалось ему это? Может быть, помогла протекция, которой Седов добился через одного своего товарища по мореходному училищу, жившего в то время в Петербурге...

В октябре 1901 года Седов блестяще сдал экзамен за курс морского корпуса и 22-го числа того же месяца был произведен в поручики запаса флота по морской части. Для полного завершения плана Седову оставалось сделать еще один шаг. Но для этого потребовалось ровно полгода — шесть зимних месяцев в чужом, неприветливом Петербурге, без работы, без денег, в полном одиночестве. Чиновники канцелярии морского министерства имели возможность изучить за эту зиму во всех подробностях внешность настойчивого просителя, молодого человека в штатском, желающего служить по гидрографии.

22 апреля 1902 года поручик запаса флота Седов был «определен в службу с зачислением по адмиралтейству». Свершилось: он стал кадровым офицером и будет носить кортик по будням, а по праздникам — палаш. Матросы будут величать его «ваше благородие». Батрак, рыбацкий сын и матрос, отныне он на первой ступени офицерской иерархии.

Через три дня после зачисления «в службу» он уехал из Петербурга. В Архангельске бункеровалось судно «Пахтусов», и там ждали поручика Седова — помощника начальника гидрографической экспедиции.

Началась работа, которая была его призванием, работа его жизни.

ГИДРОГРАФ

Балтика — на северо-западе, Черное и Каспийское моря — на юге, Тихий океан с Беринговым, Камчатским, Охотским и Японским морями — у лесистых и тундровых земель сибирских окраин, Северный Ледовитый с Баренцовым, Белым, Карским, Лаптевых и Восточносибирским морями — на севере, на всем громадном протяжении от Мурмана до Чукотки... Россия — великая морская страна. И нет на свете другой страны с водной границей такого протяжения.

Седов хотел участвовать в работе, которую начали по собственному почину новгородские

ушкуйники в XI веке на севере и казацкие ватаги в XVI веке на востоке, а продолжили поколения моряков-гидрографов; первыми из них были геодезисты, обученные самим Петром. Лениво и нехотя отзывалось царское правительство на естественные стремления русских людей к изучению и освоению морских пространств. После Великой северной экспедиции, осуществленной по гениальному замыслу Петра, правительство никогда и не пыталось повторить что-либо подобное для изучения русских морей.

Но все же от Ломоносова, чей проект Северного морского пути пытался осуществить Чичагов [1], до Макарова [2], построившего великолепный ледокольный корабль «Ермак» для исследования Ледовитого океана и писавшего с сарказмом, что «торосы победимы, непобедимо лишь людское суеверие...» — протянулся длинный ряд имен русских путешественников, посвятивших жизнь исследованию морей и берегов России.

Работа гидрографа прельстила Седова, — здесь он надеялся найти выход для своей энергии. Кто знает, какие дерзкие замыслы и мечтания бро-

---

[1] В. Я. Чичагов — командовал первой (1765) и второй (1766) экспедициями, организованными по предложению М. В. Ломоносова для поиска «морского прохода Северным океаном в Камчатку».

[2] С. О. Макаров (1848—1904) — знаменитый адмирал, один из крупнейших созидателей и деятелей русского флота. Погиб во время русско-японской войны на броненосце «Петропавловск».

дили в его сознании уже тогда, когда он ехал в поезде (медленным казался ему этот поезд!) из Петербурга в Архангельск, где ждали на гидрографическом судне «Пахтусов» помощника начальника экспедиции. Во всяком случае он мог быть доволен собою: план выполнен наперекор всему.

В 1902 году на «Пахтусове» Седов ходил вдоль новоземельских берегов, производя съемку и описания. И в следующее лето он плавал в этих водах и бродил с компасом по этим же берегам.

В 1904 году он, по добровольному желанию, был отправлен на Дальний Восток. Его назначили в Амурскую речную флотилию, охранявшую вход в Амур. Было опасение, что японцы попытаются ввести в реку свои суда. Этого не случилось, и в серьезных боевых операциях, о которых он мечтал, Седову не пришлось участвовать.

После окончания войны Седов был оставлен на Дальнем Востоке. В течение двух лет он был помощником распорядителя работ по постановке вех и баканов в Тихом океане. При первой возможности он бросил эту работу и возвратился в Петербург. Два плавания на «Пахтусове» навсегда привязали его к Северу. Он полюбил полярную природу и то ощущение, которое знакомо только людям, бросающим якоря в прозрачную воду безымянных бухт, только тем, кто впервые наносит на карту контуры побережий, кто реги-

2*

стрирует для сведения мореплавателей направление течений, характер льдов и расположение подводных камней. Он полюбил Север и его пустынное безмолвие, но не потому, что любил одиночество, — напротив, он был живым и общительным человеком, — а потому, что по склонностям своим был пионером и мечтал о заселении безлюдных островов, о постройке новых портов, о пароходах, которые пойдут по дорогам, вычерченным на новых картах его рукой.

Он полюбил полярные страны еще и потому, что с ними связал себя заветной мечтой, великой целью, которую он поставил перед собой.

В марте 1909 года Главное гидрографическое управление морского министерства послало Седова в экспедицию на берег Ледовитого океана, в устье Колымы.

Эта экспедиция была серьезным испытанием для физических и душевных сил гидрографа.

Понадобилось три месяца, чтобы из Петербурга добраться до устья Колымы. Сначала он ехал в поезде, потом на подводе, затем в розвальнях, после — верхом и на оленях, наконец от Среднеколымска — в карбасе, вниз по реке. Томительно тянулось это путешествие. Он спешил, а тысячи докучливых препятствий, казалось, оплетали его. Ему приходилось переходить через такие наледи, на которых его олени ломали ноги; от него сбежало несколько проводников, потому что, спасая время, он шел напрямик и без остановок, меж

тем как обессилевшие люди требовали обхода или отдыха. Дорога шла от реки Лены к реке Яне, оттуда на реку Индигирку и дальше, на реку Колыму. Это был древний переволок, протоpенный казацкими ватагами, путь, проложенный три века назад теми русскими людьми, которые за шестьдесят лет завоевали материк от Урала до Тихого океана.

Отряд Ермака начал это движение в последней четверти XVI века и присоединил к России страну, лежавшую в бассейне Оби и Иртыша. Но это была только часть той неведомой, немеренной, необъятной, изрезанной огромными реками земли, что пролегла до самого Тихого океана, а на севере окаймила широкой полосой тундр студеные полярные моря. Этот огромный материк, открывшийся русским людям к востоку от Урала, казаки и промышленники прошли и завоевали за шестьдесят лет. Они шли от реки к реке, перевалами — с Оби на Енисей, с Енисея на Лену и Яну, оттуда на Индигирку и Колыму. Ватага в десять, двадцать или тридцать человек являлась на верховье реки, ставила здесь острог и в самодельных лодках спускалась на низовье, совершая тысячеверстные походы среди суровой и дикой природы, среди незнакомых и враждебных племен. Казаки доходили по реке до ее впадения в Ледовитый океан, строили зимовье из плавника. Новая страна с лесами, горами, зверями и рыбой становилась русской.

Проходил год-другой, и ватага двигалась дальше, иногда пополняясь новыми, подоспевшими пришельцами.

Никто не составлял плана для этого наступления, никто не подсказывал казакам, промышленникам и купцовым приказчикам, по каким тропам и протокам итти им на восток. Шли за соболиными шкурами, за моржовым зубом, шли на привольные места, искали наживы, свободы от бояр и воевод, искали приложения накопившимся силам. А находили новые страны, открывали моря, острова, реки и людей с незнакомыми обычаями и языком.

В 1639 году Иван Москвитин с товарищами вышел на берег Охотского моря, поставив здесь, в тихоокеанском преддверье, свое зимовье. Немного времени потребовалось казакам, чтобы освоиться с незнакомой стихией. Уже через пять лет люди, прошедшие насквозь материк от самого Урала, плавали под командой некоего Василия Пояркова по Охотскому морю в поисках новых земель и прибыльного промысла. Они открыли Шантарские острова.

И в это же время другие отряды искали края земли далеко на севере. Казачьи шитики и кочи, проконопаченные мхом, плывут «о кромку» льда вдоль берега Северного океана. Уже открыты Колыма, и мезенский житель, промышленник Исай Игнатьев подымает парус, чтобы плыть еще далее на восток. Он возвращается, но через

два года, в 1648 году, кочи, принадлежащие холмогорцу Федоту Алексееву, прошли со многими приключениями из устья Колымы на восток и попали в устье реки Анадырь, обогнув, таким образом, северо-восточный край Азии. С Алексеевым плыли казаки под командой Семена Дежнева — «Для государева ясачного сбора и для прииску новых неясачных людей и для государевых великих дел». Семен Дежнев решил великую географическую задачу — доказал, что Азия и Америка не соединяются сушей, а разделены проливом.

По этим издревле проторенным русскими землепроходцами дорогам ехал Седов в 1909 году на Колыму. Он спешил. Ему нужно было поспеть раньше, чем начнется распутица. Но весна обогнала его, она уничтожила санную дорогу, развела топь в тайге, пустила по сотне речек беспорядочную толпу льдин, стерла тропы на перевалах. Весна опередила его в этом беге на север. Все же он добрался до берега океана. Тут было пустынно и все оставалось таким же, как столетия назад. И Седову казалось порой, что лишь вчера выходили из колымского устья по приказу царя Петра корабли Великой северной экспедиции, и только днем раньше поплыл на восток казак Семен Иванович Дежнев.

Как-то раз, в штормовую погоду, ведя карбас экспедиции против волн, против ветра со снегом, Седов увидел на берегу океана деревянный знак.

Его построил лейтенант Дмитрий Лаптев сто семьдесят лет назад из выкидного леса. Деревянная пирамида высилась нерушимо на крутом мысе перед выходом в океан — гордый памятник предприимчивости и отваги. Может быть, сгниет и обрушится когда-нибудь деревянная четырехгранная пирамида, но память о Лаптеве, думал Седов, продержится дольше, чем эти бревна, пропитанные океанской солью.

Сначала Дежнев, вчера Лаптев, сегодня Седов. Нет, не тщеславие заставляло его так думать, но лишь новое ощущение времени, возникшее у входа в океан, у этого порога, через который люди до сих пор переступали один или два раза в столетие.

Многократно в этой экспедиции приходилось Седову подвергаться опасностям и сознательно итти на смертельный риск.

29 августа карбас с остатками провизии, инструментами и другой кладью вышел из бухты Амбарчик и повернул на юго-запад. Карбас вошел в реку и медленно, где под парусом, а где на веслах, стал подыматься вверх по течению. Океан остался за кормой.

На привалах, в палатке, при свете «летучей мыши», Седов готовил отчет о работах экспедиции.

Сделано было следующее. Исследован первый, или морской, бар перед устьем Колымы. Когда-то фарватер проходил против того места, где Дмитрий Лаптев поставил свой маяк. Но

прошло сто семьдесят лет, и река выдвинула песчаную насыпь бара дальше в океан на пятнадцать-двадцать верст. Маяк Лаптева остался в стороне.

Исследован и второй бар, так называемый речной. Между ними найден фарватер. Устье реки промерено и снято на карту.

Помимо этого, произведены съемка и промер реки от устья до Нижнеколымска. Весь этот путь Седов прошел пешком, считая шаги.

«...Необходимо сказать, — писал он, — что исследование устья Колымы и выяснение возможности, таким образом, плавания морских судов через бар в реку до Нижнеколымска могут безусловно сделать переворот в жизни Нижнеколымского края.

...Принимая в соображение возможность, таким образом, улучшения быта Колымского края, надо думать, что русское торговое мореплавание к берегам Колымы не замедлит развиться на общую пользу дела, тем более, что наблюдения за погодой и за льдами в море показали, что плавание в этой части Ледовитого океана для морских судов возможно в течение по крайней мере двух месяцев...»

К конце отчета Седов излагал соображения об устройстве на Колыме речного судоходства, что, вместе с другими предлагаемыми им мерами, должно было, по его мнению, привести край к расцвету.

Все улыбалось Седову, когда он вернулся в Петербург. Начальство его хвалило. Газеты печатали заметки об экспедиции Седова, а конференция Академии наук адресовала ему благодарственное письмо за собранные на Колыме коллекции. Он был принят в действительные члены Астрономического и Географического обществ.

Седов обрабатывал собранные материалы, вычерчивал карты, составлял таблицы. Но он не вел жизни нелюдимого кабинетного ученого. Он любил театр, особенно балет, любил бывать там, где можно было встретить интересных собеседников и где просто собиралась танцующая молодежь.

В конце июня 1910 года Георгий Яковлевич женился. В тот же день молодые выехали в Архангельск. В этом же поезде, в третьем классе, ехали семеро спутников-рабочих, а в багажном вагоне были ящики с инструментами для наблюдений и съемок, запас консервов и палатки.

Все лето 1910 года Седов провел на Новой Земле. Перед новой экспедицией была поставлена непосредственная практическая цель. Нужно было гидрографически исследовать Крестовую губу (залив), куда должны были в дальнейшем регулярно заходить пароходы.

Седов составил подробную карту Крестовой губы, измерил ее глубины, определил удобный для пароходов фарватер. В распоряжении Седова была карта, сделанная за год до этого известным иссле-

дователем Русановым по поручению архангельского губернатора. Он убедился в ее неточности и откровенно написал об этом в своем отчете. Карта Русанова, — писал он, — «грешит против истины. В очертании берега нет никакого сходства с действительностью, островов вместо пяти показано четыре, и все они лежат далеко не на своих местах. Высоты гор показаны весьма ошибочно...»

Зимой Седов получил новый приказ: составить проект гидрографической экспедиции в восточные моря Арктики. Он засел за работу, которая отняла несколько месяцев. Седов сжился с мыслью, что весной он поедет на северо-восток и осуществит свой проект на деле. Так обычно и делалось в Гидрографическом управлении: автор проекта экспедиции назначался ее начальником.

Но на этот раз в петербургских канцеляриях было принято совершенно нелепое и вредное для дела решение. Седова от экспедиции отстранили, поручив ее офицеру, которого к тому же надо было вызвать для этого из Владивостока. Кончилось тем, что экспедиция вовсе не состоялась: пока начальник ехал из Владивостока в Петербург и потом назад в Иркутск, началась весна, дороги в тайге развезло.

Седова же, вопреки желанию, отправили не на север, а на юг — делать съемку побережья Каспия.

Седов не был равнодушен к своим служебным

успехам; он считал, что его энергия и предприимчивость должны быть поощрены. Он был честолюбив.

Но были и другие, более значительные причины, заставлявшие его желать иного к себе отношения на службе, и они, вероятно, главенствовали. Всю жизнь он искал больших, ответственных и важных дел, искал самостоятельности.

Как всегда, осенью он возвратился в Петербург — обветренный, загорелый, с огрубевшими руками. Близился 1912 год, решающий в его жизни.

Еще в 1903 году, будучи в Архангельске, Седов увидел богато оснащенное судно «Америка», принадлежавшее миллионеру Циглеру. «Америка» направлялась на Землю Франца-Иосифа. Отряд американцев должен был совершить поход к Северному полюсу. Краснощекие молодые люди со спортивной выправкой весело скалили зубы у борта франтоватого судна. Офицеры «Пахтусова» были приглашены осмотреть корабль и снаряжение для похода на полюс. Седов навсегда запомнил ощущение, охватившее его на «Америке», трюмы и палуба которой были загружены великолепными продуктами питания, добротной утварью и оборудованием для зимовки, внушающими восхищение приборами для наблюдений, красивыми и надежными полярными костюмами. Все — и собаки, и пони, и нарты, и керосиновые печи, и меховые сапоги, и консервы, и астрономические инстру-

менты, — все было самое лучшее. Начальник экспедиции Фиала показал русским морякам карту предполагаемого движения к полюсу. Тонким пунктиром на ней были нанесены маршруты других экспедиций — американских, норвежских, английских, австрийской, итальянской. Все крупные государства участвовали в великом соревновании. Не было только России, а между тем при одном взгляде на карту можно было увидеть, что Ледовитый океан с его островами и архипелагами и с полюсом на вершине является как бы естественным продолжением русской земли на север. Фиала провел карандашом прямую линию от северной оконечности Земли Франца-Иосифа к полюсу и, показав на многозвездный американский флаг, поставленный в углу его каюты, объяснил, что не позже будущего года этот флаг будет водружен на вершине мира.

Прошли годы, и об экспедиции Фиала, окончившейся тяжкой неудачей, все забыли, но Седов не забыл того чувства острой зависти и обиды, которое охватило его на «Америке».

Борьба за овладение полюсом, начатая в давние времена, вспыхнула с особенной силой в конце минувшего, XIX, и в начале нового, XX века. Изучение полярных стран, бывшее уделом зверобоев и искателей торгового пути из Европы в Тихий океан, перешло в руки людей нового типа —

профессиональных полярников, рекордсменов и исследователей, подстрекаемых стремлением достигнуть полюса.

В 1897 году покинул Землю Франца-Иосифа мужественный Джексон, — он провел на этом архипелаге три зимы и опроверг своими исследованиями представление о больших пространствах суши, из которых якобы состоит Земля Франца-Иосифа. Вслед за ним здесь появляется американский журналист Уэльман, обуреваемый жаждой сенсации и славы. Он возвращается восвояси, не добившись ничего существенного, а навстречу уже плывет новый претендент на завоевание полюса — герцог Абруццкий, во главе итальянской экспедиции «Stella Polara» («Полярная звезда»); корабль этой экспедиции гибнет в бухте Теплиц от напора льдин.

На смену герцогу Абруццкому является американец Болдуин с целой армией людей и кучей собак, купленных на деньги миллионера Циглера. Но участники этого эффектного выступления на полюс — американцы и норвежцы, перессорившись между собой и благополучно истратив циглеровский миллион, возвращаются в скором времени по домам.

Но Циглер упрям. Он не мирится с тем, что за его миллионы нельзя приобрести честь открытия Северного полюса. Он подписывает новые чеки. Фиала обещает водрузить флаг США на вершине мира. Это ему не удается, однако научные

работники экспедиции успевают за два года сделать хорошую карту архипелага Франца-Иосифа.

В эти же годы борется за завоевание Северного полюса американец Роберт Пири — человек необыкновенной отваги и упорства.

Четыре раза Пири шел на полюс и достиг-таки центра полярного бассейна. Был час, когда Пири записал в свой дневник: «Игра кончена. Приходит к концу моя шестнадцатилетняя мечта. Я боролся изо всех сил. Думаю, что все, мною сделанное, сделано хорошо. Но я не могу совершить невозможное». Это была лишь мгновенная слабость, и в следующем году он отправился снова.

Пири создал стройную систему организации полярных экспедиций. Он был настоящий деловой американец и умел устраивать свои дела. Поэтому среди полярных исследователей один Пири, кажется, не нуждался в деньгах.

Он не знал страха, его воля не признавала трудностей, но вместе с тем это был буржуа, исполненный специфических предрассудков «белого завоевателя». В последний переход на пути к полюсу он взял с собой только эскимосов и негра. На вершину мира должен был взойти только один человек — Роберт Пири. Что же до цветных, то они не в счет.

Удивительная сила владела Робертом Пири! Имя этой силы — тщеславие. «Полюс наконец! Цель трех столетий! Мой наконец!..» — вот страстный крик, вырвавшийся из груди Пири, когда он

добрел до той точки среди льдин, которую принял за полюс.

Гордой телеграммой Роберт Пири известил мир и президента Соединенных штатов о том, что 6 апреля 1909 года он пришел к финишу. Но Пири был великолепный рекордсмен — и только. Поэтому человечество очень немного получило в результате его победы.

Торжеству Роберта Пири помешало мошенничество некоего доктора Кука.

Доктор Фредерик Кук заявил, что ему удалось достигнуть полюса месяца на два раньше Пири. Проблема — Кук или Пири — стала предметом дискуссии между учеными, зажигательной полемики между газетами, наживавшими деньги на этой сенсации, объектом пари и публичных диспутов.

К тому времени, когда окончательно выяснилось, что Кук — мошенник, венок славы, оставшийся в руках Пири, был уже несколько помят.

В этой атмосфере конкуренции и ажиотажа все более креп и облекался в определенные формы великий замысел Седова, возникший в Архангельске в 1903 году.

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ЛЬДЫ

Седов пользовался каждым случаем, чтобы заинтересовать людей своим планом похода на полюс. Золотопромышленник Мордин был одним из тех, через кого он надеялся повлиять на группу

богачей — сибирских и дальневосточных магнатов. Из этого ничего не вышло — идея завоевания полюса не имела среди них успеха.

Через третьих лиц сообщили о патриотическом проекте Седова меценату-миллионеру Рябушинскому. Но и Рябушинский уклонился...

Между тем годы уходили. В те дни, когда Роберт Пири совершал свою третью попытку достигнуть полюса, Георгий Седов сторожил Амурское устье от японцев. Вернувшись с Колымы, он узнал, что первенство в открытии полюса оспаривают одновременно Пири и Кук. Это нисколько не обескуражило его. Напротив, он был уверен, что проблема центрального бассейна Арктики вовсе не решена еще, даже в том случае, если поверить обоим американцам. Куда бы ни добрались они, большая часть Ледовитого океана попрежнему представляет собой белое пятно. И Седов желал, чтобы важнейшая работа научного изучения Арктики была сделана под флагом России. Вот цель, достойная его юношеских мечтаний, великая цель, которой стоило посвятить жизнь.

В начале 1912 года пришло известие из далекой Антарктики о том, что Амундсен открыл Южный полюс. Прошел слух, что в будущем году отважный норвежец предпримет поход к Северному полюсу. Ждать больше было невозможно. Седову стало ясно, что нельзя откладывать осуществление своего плана.

Итак, ему нужны были деньги в нынешнем году и свобода действий сейчас же.

Один журналист из газеты «Новое время» сказал ему:

— Вам нужна поддержка всей России? Я это устрою.

Вскоре в «Новом времени» появилась статья за подписью «М-е», в которой излагался план Седова.

Сам Седов выступил с открытым письмом об экспедиции на полюс. «Не пугайтесь, господа, денег потребуется немного», — таков смысл этого письма. Должно быть, он очень боялся, как бы жертвователи не испугались, что он потребует какую-нибудь крупную сумму за свою жизнь, и поэтому заранее предупреждал, несомненно кривя душой, что даже лучше для дела, если денег будет мало!

Одновременно Седов действовал в морском министерстве. 22 марта он подал на имя Вилькицкого[1] докладную записку, в которой подробно изложил не только мотивы, побудившие его выступить с проектом экспедиции на полюс, но и план экспедиции.

«Промысловые и научные интересы Северного Ледовитого океана, — писал он, — начали привлекать к себе всеобщее внимание чуть ли не с X столетия. Первыми пионерами в Северном Ле-

[1] А. И. Вилькицкий (1858—1913) — крупный деятель гидрографии; был начальником Главного гидрографического управления морского министерства. Сын его, Б. Вилькицкий — известный полярный исследователь.

довитом океане были промышленники, устремлявшиеся туда за добычей богатого морского зверя, а затем и путешественники с научной целью. Многие из путешественников плавали сюда для отыскания свободного морского пути на Восток, многие — для открытия новых земель и физического изучения вообще океана, и, наконец, многие — для открытия Северного полюса, чтобы разъяснить мировую загадку как со стороны научных полезнейших наблюдений, так и со стороны открытий. Человеческий ум до того был поглощен этой нелегкой задачей, что разрешение ее, несмотря на суровую могилу, которую путешественники по большей части там находили, сделалось сплошным национальным состязанием: здесь, помимо человеческого любопытства, главным руководящим стимулом еще безусловно являлись народная гордость и честь страны. В этом состязании участвовали почти все страны света, включительно до Японии (к Южному полюсу), и только не было русских, а между тем горячие порывы у русских людей к открытию Северного полюса проявлялись еще во времена Ломоносова и не угасли до сих пор.

Амундсен желает во что бы то ни стало оставить честь открытия Северного полюса за Норвегией. Он хочет итти в 1913 году, а мы пойдем в этом году и докажем всему миру, что и русские способны на этот подвиг».

Газета «Новое время» начала сбор пожертвова-

ний. Морской министр отозвался о проекте экспедиции на полюс одобрительно. Группа членов Государственной думы вносит «Законодательное предположение об отпуске из государственного казначейства средств на организацию экспедиции к Северному полюсу».

Но через месяц совет министров выносит заключение, что «намечаемая экспедиция лейтенанта Седова носит несколько непродуманный характер». Совет министров основывал свое заключение на мнении, представленном комиссией из морских офицеров. Высшее морское офицерство враждебно относилось к Седову и к его планам. Молодой моряк из «простых», не имеющий ни связей во влиятельных кругах Петербурга, ни громкого дворянского имени, возбуждал неприязнь у военно-морской знати. Его быстрый служебный успех и общественная популярность раздражали чиновников министерства, вызывали зависть.

По поводу денег комиссия высказалась особо. Заключение выглядело примерно так: Седова на полюс пускать нельзя, но деньги выдать надо. Выдать же их не Седову, план которого не продуман, а нам, морскому ведомству, и не пятьдесят или семьдесят тысяч рублей, как просил невежественный лейтенант, а тысяч восемьсот или миллион, чтобы мы, люди опытные, постепенно, планомерно, не торопясь, открывали полюс...

Понятно, что после такого определения комиссии

совет министров счел за благо проект экспедиции на полюс положить под сукно.

Казалось, что навсегда погибла надежда Седова.

Но через несколько дней после заседания совета министров Седов прочитал в газете интервью с А. Бунге. Доктор Бунге, известный полярник, был одним из участников комиссии Вилькицкого, провалившей проект Седова. Теперь он писал: «Некоторое время назад, когда я прочитал заметку об экспедиции лейтенанта Седова к Северному полюсу, я отнесся к этой экспедиции отрицательно. Но после того, как я увидел лейтенанта Седова и говорил с ним лично, я пришел к совершенно обратным заключениям. Я увидел в лейтенанте Седове человека, вполне подготовленного к подобного рода экспедициям и практически и теоретически знающего полярные страны... Экспедиция разработана вполне правильно как по основным положениям, так и по осторожной предусмотрительности расчетов».

И с удвоенной энергией Седов начал борьбу. Он собрал заседание так называемого «Седовского комитета», который был создан при «Новом времени». В него входили известные и опытные в благотворительной деятельности люди. Они предложили испытанные способы получения денег — публичные концерты, уличный сбор, выпуск жетонов и лотерею-аллегри с розыгрышем дачи, аэроплана и моторной лодки.

Седов с раздражением напомнил, что деньги

нужны уже завтра для закупки снаряжения и для того, чтобы заказать продукты питания, а если денег завтра не будет, экспедиция в нынешнем году состояться не может.

В конце концов М. А. Суворин, владелец и редактор «Нового времени», согласился выдать свои векселя в распоряжение комитета. Заседание комитета состоялось 12 июня, а уже 21 июня Седов писал из Архангельска жене:

«...Теплое платье, сухари, солонину, масло заказал. Для изготовления запасов необходимо заказывать теперь же. На все нужны задатки. Вот в этом-то и задержка. Из Тобольска имею телеграмму: «Готовы доставить в Архангельск 30 собак за 3 тысячи. Половину денег высылайте задатку...» Над этим тоже голову ломаю. Во всяком случае как-нибудь справлюсь и с этим делом...»

В Архангельске его приглашали на публичные собрания и обеды, на которых местные воротилы произносили выспренние речи и напрашивались в поставщики экспедиции.

Седова познакомили с зверопромышленником Дикиным, владельцем парусно-парового судна «Святой мученик Фока». Дикин соглашался отдать «Фоку» во фрахт экспедиции; он сам брался вести судно на Землю Франца-Иосифа.

Седов испытал счастливое чувство, когда впервые взошел по трапу на будущий корабль экспедиции. Корабль для моряка — это реальность, которая верней всех векселей господина Сувори-

на и лучше самых шумных воззваний, составленных деятелями комитета. 13 июля Седов подал рапорт начальнику Главного гидрографического управления:

«Прошу ваше превосходительство, не признаете ли возможным войти с ходатайством перед его высокопревосходительством морским министром об отпуске меня в первую русскую экспедицию к Северному полюсу, отправляющуюся в настоящем 1912 году.

Не признаете ли также возможным, ваше превосходительство, ввиду того, что экспедиция с материальной стороны обставлена бедно, исходатайствовать мне в случае разрешения отпуска и сохранение какого-либо содержания от казны».

30 июля главный морской штаб утвердил отпуск с сохранением содержания на два года. Седов получил свободу действий.

Последние дни в Архангельске полны тревог, мучительной мелочной борьбы, дрязг, доводящих до отчаяния.

Седов надеялся вывести «Фоку» в море не позже 14 августа. Лето в Арктике коротко, и если хочешь в одну навигацию достичь Земли Франца-Иосифа, надо спешить, чтобы льды, сплотившись, не преградили путь.

Но комитет в Петербурге, должно быть, не понимал этого и не торопился с высылкой заказанных консервов, измерительных приборов, аппаратуры для научных наблюдений. Морское мини-

стерство обещало прислать радиотелеграфиста с аппаратом, но почему-то задержало исполнение обещанного. Сообщили, что встретилось затруднение с устройством отпуска телеграфисту.

Наконец Седов назначил день выхода — 21 августа. Все, казалось, было готово. В двухэтажном свежевыстроенном домике жили в ожидании отплытия участники экспедиции и матросы — некоторые с женами, приехавшими проводить «Фоку». На дворе, в загородке, отчаянно лаяли и грызлись сибирские лайки и архангельские собаки неизвестной породы. С ними возился матрос Григорий Линник, опытный каюр с Дальнего Востока, явившийся к Седову в Петербург, когда в газетах появились первые заметки об экспедиции на Северный полюс.

В просторной проходной комнате первого этажа, на большом столе, ожидали перенесения на судно хрупкие и капризные приборы—целая гора блестящего металла и стекла. Здесь были тяжелые барометры, термометры для глубинных измерений, ветромеры, секстанты. В этой же комнате, среди стружек и упаковочной бумаги, стояли заколоченные ящики с гидрографическим инструментом.

В соседней комнате было тесно от наваленной меховой одежды и огромных спальных мешков, тяжелых, четырехместных.

Напротив домика, у причалов, стоял «Фока». Закончили погрузку продовольствия — муки, са-

хара, трески в бочках, солонины, консервов в ящиках. На палубе уложили разобранные по бревнам строения — баню, амбар, жилой домик. Недалеко от пристани белела еще свежая стружка — здесь только что ставили срубы и вновь их разбирали.

19 августа, утром, когда Седов еще не успел начать свою ежедневную беготню по пристаням, вокзалам, портовым и губернаторским канцеляриям, к нему явился судовладелец и шкипер Дикин.

— Извиняюсь, имею для вас уведомление...

— Что хорошего скажете, капитан? — спросил Седов.

— Не извольте гневаться, — ответил, пряча вороватые глаза, Дикин, — выход в море придется отменить...

Он объясняет пораженному Седову, что «Фока» сильно перегружен, и поэтому из порта он его не выведет. Через час приходит посыльный от нотариуса и под расписку вручает Седову официальное уведомление об отказе Дикина вести судно.

Чтобы обнажить ватерлинию, надо удалить часть груза. Но что можно выбросить — бочки с солониной или уголь, которого и так взято мало? Седов приказывает Дикину откачать излишек воды.

— Будет исполнено-с, — говорит Дикин и ставит на эту работу двух матросов с ручным насосом.

Ясно: судовладелец хочет проволочить до 28 августа — предельного срока отплытия по договору, чтобы получить с Седова деньги даром, не отправляясь в плавание.

Несколько дней проходит в раздражающих хлопотах, в унизительных столкновениях с Дикиным, с администрацией порта, в треплющих нервы телеграфных спорах с петербургским начальством.

Все преодолено...

Кажется, больше ничего нельзя придумать, чтобы задержать выход «Фоки». Но Дикин еще не успокоился. Сам он больше не показывается на глаза и как будто притих. Но вечером в комнату, в которой живет Седов с женой Верой Валерьяновной, стучатся по очереди штурман, механик, помощник механика и боцман «Святого Фоки» — все служащие Дикина.

— Так что, господин начальник, — говорят они по очереди, — от рейса отказуюсь... Не могу, значит, итти на полюс — жена, значит, дети...

Седов понимает — это козни Дикина.

Собственно говоря, экспедиция уже опаздывает — лето на исходе. Седова спрашивают, не сочтет ли он за благо остаться до следующего года. Но у него на этот счет колебаний нет. Через некоторое время, уже на Новой Земле, он скажет в письме на родину: «...рвался в рейс потому, чтобы скорее избавиться от тех мучений, которые я переносил от окружающих. Для меня было бы уже

пыткой остаться дома до 1913 года; кроме того, кто знает, мои враги сумели бы за это время победить меня и отнять у меня родное мое, мною созданное дело...»

Седов решает освободиться от Дикина, оставив себе «Фоку». Снова происходит обмен срочных телеграмм с Петербургом. С Дикиным подписывают новый договор — об аренде судна. С оставшейся старой командой заключают контракт. Весь экспедиционный состав переходит на судно и размещается в каютах и в кубрике. Седов объявляет, что «Святой Фока», судно экспедиции к Северному полюсу, покинет Архангельский порт 27 августа. На «Фоке» еще нет капитана, штурмана, механика и помощника механика, не полон матросский состав.

И вот 26 августа, утром, при большом стечении народа, буксирный пароходишко тащит «Святого Фоку» из Соломбалы по реке к парадной, так называемой Соборной пристани.

Какие-то никому не ведомые люди приходят и предлагают свои услуги Седову. Кто из них окажется настоящим работником? Но раздумывать некогда: надо или отложить экспедицию, а значит, и отменить ее, либо итти завтра с теми людьми, каких удалось найти. Седов останавливается на втором решении.

Полдень 27-го. На пристани негде упасть яблоку. Провожают первую русскую экспедицию к Северному полюсу.

Прошел еще один день, и в открытом море буксирный пароход подает сигналы гудком, чтобы провожающие поскорей оставляли «Фоку».

Седов обнимает жену в последний раз. Когда они увидятся? Через год, через два?.. Кто знает!

«Фока» гудит во всю свою сирену. Матросы бегают по палубе, приготовляя корабль к первой встрече с настоящим морем, — закрывают трюмы тяжелыми люковицами, крепят бревна и бочки цепями.

Седов подходит к спутникам.

— Что ж вы, братцы, приуныли? — спрашивает он и улыбается.

«Фока» плывет по тихому морю, при добром попутном ветре, на север. Седов на мостике. То, чего он желал, исполнилось вопреки всем препятствиям. Флаг первой русской экспедиции на Северный полюс поднят.

НА СЕВЕР!

Приказы начальника экспедиции от № 7 до № 19, датированные 3 октября 1912 года, содержат распоряжения об организации зимовки: механику — «потушить в топках огонь» и «уголь отнюдь не расходовать на нужды отопления», командиру судна — «озаботиться выморозкой судна», врачу экспедиции — приняв обязанности заведующего продовольственной частью, «вырабо-

тать порядок и порцию расхода, сообразуясь с тем, чтобы человек был здоров и крепок», географу Визе, заведующему гидро-метеорологическим отделом, — «озаботиться устройством гидро-метеостанции»...

Местоположение судна отмечено перед каждым приказом: бухта «Святого Фоки». Новое географическое название родилось против желания путешественников; оно должно впредь означать пункт невольной стоянки корабля, место его пленения.

«Святой Фока» оказался сильным судном, стойко выдерживавшим удары волн и льдин, однако мотор его был слишком слаб, чтобы можно было итти напролом. После напряженного, полного опасностей и приключений плавания корабль экспедиции ровно через месяц после выхода из Архангельска вмерз в лед у северо-западного берега Новой Земли, близ полуострова Панкратьева.

То, что экспедиция вышла в плавание так поздно — не 14 (1) июля, как было определено по плану, и не 14 (1) августа, как намечалось впоследствии, а только лишь 27-го, сыграло в ее судьбе роковую роль. Арктические моря не прощают таких промедлений.

Седов твердо перенес тяжкое поражение на первом этапе экспедиции — на пути к Земле Франца-Иосифа. Вынужденный зимовать на несколько градусов южнее пункта, намеченного для старта полюсной партии, Седов объявил в одном из своих приказов, что «нет худа без добра», и

немедленно приступил к планомерной и энергичной исследовательской работе. Он помнил о конечной цели своей экспедиции и в начале зимы как-то высказал мысль о возможности пешего похода на полюс непосредственно с Новой Земли. Практически такую задачу он перед собой, конечно, и не ставил, однако сознавал, что вынужденная зимовка означает потерю не только времени, но и продовольственных запасов, снаряжения, собак и самое важное — физических и моральных сил участников экспедиции. Чтобы использовать время, Седов приступил к исследованию района невольной зимовки.

Установив с точностью до нескольких секунд астрономическое положение бухты «Святого Фоки», Седов убедился, что существующие карты этой части Новой Земли грубо ошибочны. «Фока» стоял у самого берега, а по картам выходило, что он в открытом море. Нужно было выяснить, как далеко на юг действительные очертания берегов не сходятся с картой. Для этого уже 17 октября 1912 года Визе, Павлов и матрос Шестаков отправились в первый санный поход — к полуострову Адмиралтейства.

Экскурсия Визе к полуострову Адмиралтейства не была удачной. Дорога в это время года оказалась непроходимой.

Наступила полярная ночь. Еще никто после Виллема Баренца (1597 г.) не зимовал так далеко на севере Новой Земли.

В зимнем сумраке нельзя далеко отъезжать от судна.

Но в декабре Седов решился на опасное предприятие. Ему не сиделось на месте, он нетерпеливо искал случая действовать. Он сделал предварительную экскурсию к мысу Литке и установил его точное положение. Седова сопровождали Григорий Линник и Иоганн Томиссар.

18 марта 1913 года Визе и Павлов отправились в глубь Новой Земли, на разведку ледяного покрова, а Седов с Пинегиным совершили шестидневный поход на Южно-Крестовые острова, лежащие к западу от бухты «Святого Фоки».

На пустынных островах Седов и Пинегин находили предметы, напоминавшие об отважных людях, уже побывавших тут. Полусгнившие доски, бревна от построек, куски ржавого железа, могилы и кресты...

Дерзкие предприятия русских мореходов, пускавшихся пять столетий назад на своих карбасах и ладьях в плавания к ледяным берегам Новой Земли и Груманта, три путешествия Баренца «к царствам Китайскому и Синскому», подвиги скромного Пахтусова [1], труд упорного Тобисена [2] —

---

[1] К. Пахтусов (1799 — 1835) — русский морской офицер, настойчивый и смелый исследователь Новой Земли.

[2] Тобисен (1821 — 1873) — норвежский промышленник, в 1870 году впервые после Саввы Лошкина (1760) обогнувший на судне всю Новую Землю. Умер в Арктике во время вынужденной зимовки, оставив после себя ценные записи метеорологических наблюдений.

Обо всем этом не раз вспоминал Седов, бродя с компасом и неизменной записной книжкой по берегам Крестовых островов.

Вернувшись на «Фоку», Седов начал усиленно готовить свой собственный поход к мысу Желания и экспедиции Визе и Павлова на карский берег Новой Земли.

Время бежало быстро, заполненное заботами о снаряжении трех партий, о составлении упряжек, подсчетом, взвешиванием и упаковкой продовольствия, топлива, одежды.

30 марта вышли Визе и Павлов. 1 апреля отправился Седов с матросом Андреем Инютиным.

Никто до него не делал маршрутной съемки этих берегов, а самой достоверной считалась карта Виллема Баренца. Седов с Инютиным прошли семьсот верст от бухты «Святого Фоки» на северо-запад, к мысу Желания, оттуда на юг, по карской стороне до Флиссингер-гоф, а затем обратно. В двух местах они видели древние русские кресты, поставленные неизвестно кем, когда и с какой целью. Может быть, это были следы Саввы Лошкина, может быть, могилы, а еще вернее — маячные знаки, сооруженные отважными мореплавателями в незапамятные времена.

Седову пришлось карабкаться на ледники, — в расщелине одного из них погибла упряжная собака Черный Медведь. Но еще опаснее было движение по береговому припаю, у подножья ледников. За спиной путников рухнула ледяная

гора. Там, где только что прошли их нарты, теперь бурлило море, и огромные глыбы, свалившиеся с ледника, с плеском подымались на поверхность кипящей воды.

Молодой прибрежный лед трескался и колебался под тяжестью нарт. Один раз он проломился — нарты, упряжка, а затем и оба путешественника оказались в воде. Был двенадцатиградусный мороз, дул ветер со снегом. Едва Седов или Инютин выбирались из воды, как лед снова проваливался под ними. Несколько раз Седов дотягивался до нарт, на верхушке которых были привязаны хронометры, — он хотел снять их и спасти во что бы то ни стало в первую очередь. Но нарты погружались в воду все глубже. Это продолжалось больше часа. И люди и собаки изнемогли. Инютин вовсе обессилел. Повезло — подвернулась крепкая льдина. Седов выполз на нее, потом помог выбраться Инютину. Вслед за тем и собаки с воем вытянули нарты. Все промокло: сухари, снаряжение, одежда. К счастью, остались сухими драгоценные хронометры.

На обратном пути продовольствие, взятое с базы, окончилось. Не стало и керосина. Нечем было кормить собак. Жизнь путников спасли медведи — охота приносила и еду и топливо.

Седов и Инютин вернулись 27 мая. Седов обморозил руки и лицо, он потерял в весе тридцать шесть фунтов.

Приближалось арктическое лето. Время санных

экспедиций прошло. Вскоре Седов написал приказ о результатах зимней и весенней исследовательской работы, проделанной участниками экспедиции — самим начальником, географом Визе, который совершил поход поперек северного острова Новой Земли, геологом Павловым и Пинегиным.

«Подвести итог произведенной нами работы тем более приятно, — писал Седов, — что в ней сделаны некоторые открытия несогласия с существующими картами, и нам, участникам первой русской экспедиции к Северному полюсу, таким образом, достался счастливый жребий внести исправления в существующую веками неверную карту Новой Земли...»

Визе и Павлов, пересекшие, в сопровождении матросов Линника и Коноплева, Новую Землю под 76° северной широты, собрали обширный научный материал и добыли первые достоверные сведения о внутренней части острова. Визе сделал карту части морского берега на карской стороне.

Так была использована вынужденная зимовка на Новой Земле. Если бы экспедиция Седова снаряжалась с исключительной целью исследования северного острова Новой Земли, она не могла бы сделать больше для науки, чем было сделано ею за одиннадцать месяцев ледяного плена.

В ночь на 2 сентября 1913 года в районе островов Панкратьева дул свежий ветер с вест-зюйд-веста, шел дождь, и льдины, одиннадцать месяцев

сковывавшие «Фоку», пришли в движение, распались. 3 сентября лед превратился в кашу. «Фока» освободился от тисков без помощи людей, которые, по приказу Седова, две недели безуспешно и изнурительно работали, пытаясь раздробить пешнями и распилить ледяные поля. Лед толщиной в два с половиной метра нелегко поддается пиле и лому...

Седов знал это. Но он никогда не ждал сложа руки благоприятных обстоятельств.

Если положение кажется безвыходным, действуй — таково было правило Седова.

Теперь, когда льды, державшие «Фоку» в тисках почти год, разбило штормом и когда таким образом экспедиция вновь получила возможность двигаться на корабле, Седов считал (и только он один на корабле считал это) абсолютно, бесспорно необходимым плыть к Земле Франца-Иосифа по давно намеченному маршруту, чтобы осуществить главную цель экспедиции.

«Фока», покинув место своего пленения, направился на запад, затем свернул на север, к Земле Франца-Иосифа, курсом на мыс Флора. Снова Седов дни и ночи несет вахту. Кажется, что целая вечность прошла с того времени, когда он впервые приказал поднять на этом корабле флаг экспедиции к полюсу. Тогда он считал переход к Земле Франца-Иосифа на дни, но вот прошел год, и в сущности увеличились по сравнению с прошлогодним рейсом только опасности.

4*

Топливо на «Фоке» иссякает. Немногим более ста пудов угля — это все, с чем он покинул зимовку.

Ночью Седов записывает в дневник: «Сегодня офицеры[1] мне поднесли хороший подарок: «заявили через вахтенного начальника, чтобы вернуться обратно».

Он задумывается, пожимает плечами и последние два слова подчеркивает. Потом дописывает: «Меня это сперва очень удивило, а потом и огорчило именно то, что пришлось им отказать в этом...»

Речь идет о рапорте, поданном в эти дни всеми помощниками Седова. Считая, что за отсутствием достаточных запасов, одежды и топлива «должна отпасть всякая мысль о прямой цели экспедиции — достижении Северного полюса», сотрудники Седова предлагали в своем рапорте: «В следующем году, подновив запас провианта, угля и снаряжения, направиться снова на Землю Франца-Иосифа и далее...»

В следующем году!.. Седов знает, что это значит — никогда. Как можно повернуть на юг, когда еще не исчерпаны все возможности, когда все-таки еще есть и корабль, и продовольствие, и здоровье?

Один год потерян уже на Новой Земле. Согласиться на вторую такую же зимовку, отложить

[1] Офицерами Седов называл сотрудников экспедиции, хотя никто из них офицерского чина не имел.

еще на год исполнение главной задачи? А дальше что? Удастся ли возобновить экспедицию? Они говорят: пополнить запасы! Может ли он надеяться на это, зная, какой ценой пришлось добывать и эти запасы? Отступить — значит отказаться навсегда от своей цели, от самого себя...

Нет, он пойдет дальше на север.

Угля мало, но можно жечь в топке бревна, из которых была построена баня, и доски, и полуистлевшие бунты веревок, и старые ящики, и сало тюленей, и в крайнем случае кое-какие переборки самого судна...

Продовольствия мало, а главное — оно почти наполовину не годится для еды, потому что архангельские поставщики подсунули тухлую солонину, порченую треску и варенье, справедливо названное матросами «карбасной замазкой» — столько в нем глицерина... Но можно прожить и с тем, что есть, если энергично промышлять медведя, тюленя и птицу, которая не преминет явиться весной...

Плохо с теплой одеждой — при необходимости экономить каждый рубль экспедиция закупила полярное обмундирование только для четырнадцати человек, с расчетом на один год...

Еще хуже с собаками. Где собрали бесчестные поставщики этих собак? Уж не на дворах ли и пустырях Архангельска? Собаки никуда не годятся — в упряжке ходить не умеют, холода не переносят. Другое дело — те тридцать собак, что

были доставлены из Сибири, — это великолепные лайки, умные, выносливые, способные перенести испытания любого похода. Часть дворняжек пришлось перебить за полной непригодностью, другая часть сама передохла, а десятка два из них еще живут, — вперемежку с лайками они с грехом пополам тянут нарты.

На «Фоке» сейчас осталось семнадцать человек. Было, когда выходили из Архангельска, двадцать семь. Первую партию бесполезных для экспедиции людей Седов ссадил еще в прошлом году в губе Крестовой, вторую отправил недавно под начальством капитана Захарова. Капитан получил приказ спешить в Крестовую губу, чтобы попасть на первый пароход из Архангельска. Это необходимо: Захаров должен поторопить присылку вспомогательного судна с углем. Седов написал комитету: «Повторяю просьбу прислать судно на Землю Франца-Иосифа с углем (5 000 пудов)...»

Но Захаров нерадиво выполнил приказ, к пароходу опоздал.

Ночь. «Фока» стоит во льдах недвижимо. Седов в своей маленькой каюте, в которой едва умещаются койка и столик. Следовало бы спать. С рассветом он подымется на мостик. На корабле ждут его решения. Он ничего не обещал, но люди надеются, что он все-таки повернет на юг.

Жизнь на «Фоке» сложилась не совсем так, как следовало бы. Уходя из Архангельска, он отдал приказ об установлении воинской дисциплины,

В соответствии с этим и появился термин — офицерский состав. На этом основании доктор Кушаков требует соблюдения всех правил субординации. Матросы его ненавидят. Он очень груб и неуживчив. Пользуясь положением заведующего хозяйством, он вмешивается во всю жизнь кубрика и кают-компании, раздражает матросов мелкими придирками и ссорится с другими членами экспедиции. Он неудержимо деятелен и очень в этом смысле отличается от других участников экспедиции, которые предпочитают заниматься только лишь своими специальными делами — метеорологией, геологией, фотографией. Он ветеринар по образованию, невежда во всех других областях знания и черносотенец по политическим убеждениям. Чорт его знает, зачем он добился включения его в экспедицию, — должно быть, рассчитывает на награды и славу. Положением врача его честолюбие не удовлетворяется. В частности, он взялся читать матросам все приказы Седова. Вероятно, это способ внушить команде взгляд на себя как на помощника начальника экспедиции. Его неутомимая деятельность вызывает в людях только раздражение.

Но самое худшее то, что он каждый раз впутывает Седова во все свои стычки. По существу это шантаж. «Вот ваш приказ, вот морской устав, — говорит он, — действуйте, а иначе выходит, что вы сами, господин начальник, расстраиваете дис-

циплину...» Отстранить его от должности нельзя, потому что заменить некем.

В то утро, когда Седов должен был отправиться в поход к мысу Желания, в кают-компании происходил прощальный завтрак. Седов счел естественным вызвать из кубрика и пригласить к столу матроса Инютина — своего спутника. Кушаков воспринял присутствие матроса в кают-компании как оскорбление и демонстративно встал из-за стола.

...«Фока» идет на север. Седов неуклонно ведет его прямо на мыс Флора. Попадается чистая вода, встречается молодой, блинчатый лед, иногда путь преграждают матерые, толстые ледяные поля. Все равно, курс — норд, потому что слишком мало на корабле пригодного для сожжения в топках, чтобы позволить себе роскошь лавирования и поисков.

В кают-компании мрачно. Седов не послушался благоразумных советов. Куда он ведет корабль?

Поздно вечером 13 сентября «Фока» бросает два якоря в виду мыса Флора. Здесь ожидает Седов решения тревожной загадки: был ли послан вспомогательный пароход с углем? Ночью «Фоку» треплет шторм, к утру ветер стихает, и тогда чуть ли не все население «Фоки» отправляется на берег.

Угля для «Фоки» на мысе Флора нет — обещанный комитетом пароход не заходил сюда.

17 сентября, погрузив на палубу туши убитых

на мысе моржей — пищу для топок, корабль экспедиции трогается дальше на север.

Для Седова эти минуты полны особого значения. После года мытарств он достиг островов, о которых мечтал десять лет. Были трудны петербургские льды — он преодолел их. Казалось невозможным плыть к Земле Франца-Иосифа без топлива — он поплыл, и невозможное свершилось. Теперь ему хочется верить в исполнимость того, что стало единственной целью его жизни. Предстоит решающий штурм. Помощи ждать больше неоткуда. С шапкой в руке он стоит на мостике своего старенького корабля, смотрит на уплывающий за корму мыс...

«Фока» снова идет на север.

19 сентября «Фока» заходит в маленькую безымянную бухту острова Гукера. Был бы в трюмах уголь, «Фока» еще поборолся бы и, может быть, маршрут будущего похода на нартах к полюсу оказался бы короче на сотню-другую верст.

Но топлива нет. Седов ставит корабль на грунт близ берега. С борта на берег перебрасывают трап. Бухта получает название Тихой. Этим новым географическим именем помечен приказ Седова № 1. В нем он фиксирует координаты зимовки — $80^1/_3°$ северной широты и 53° восточной долготы, поздравляет команду с успешным завершением плавания, в котором «встретилось столько льда, сколько ни одна экспедиция, кажется, не встречала его (пояс шириною в $3^1/_2°$)», и, между

прочим, отмечает, что члены экспедиции «отбросили свои личные интересы в сторону» и сплотились «в одно единодушное целое на пользу дела экспедиции и на радость родине».

В конце приказа Седов говорит своим спутникам: «Желаю счастливой, тихой зимовки».

К ЗАВЕТНОЙ ЦЕЛИ

«Святой мученик Фока» стоял во льдах бухты Тихой. Медленно и тяжело, как нарты в гору, тянулось время. Безмолвие и неподвижность в природе, томительная, как одурь, тяжесть вечных сумерек, скудная пища из запаса полуторагодичной давности, неизвестность впереди...

Уже появились роковые вестники цынги. У одних кровоточили десны, другие едва передвигались на опухших ногах, а третьи, приложив руку к груди, удивленно жаловались на одышку. И в эти дни начальник экспедиции приказывал готовить снаряжение для похода на полюс. В кают-компании об этом избегали говорить. Две тысячи верст в оба конца намерен был пройти Седов. Между тем все знали: он болен.

Он рад был бы скрыть это от своих товарищей, затаить болезнь, как не раз таил от них свои опасения, тревоги...

Седов вел дневник, дошедший до нас. Этот дневник не был систематичным. Время от време-

ни Седов заносил в тетрадь свои мысли по поводу положения экспедиции, порой обращался с длинными посланиями любимой жене, часто записывал то, что казалось ему важным из прочитанных книг.

Вот несколько характерных заметок, сделанных в 1913 году на Новой Земле:

«Я прочел всего Байрона, Шекспира, Дюма...»

«Крузенштерн во время крушения в Карском море 2 сентября 1862 года все-таки праздновал тысячелетие России».

«Венецианец Кабот, впоследствии британец, первый путешествовал к Северному полюсу и является основателем этих экспедиций. В 1497 году первый открыл Северную Америку и первый подал мысль о NW проходе».

«Нансен говорит: «Мы не к полюсу идем, а идем исследовать его окрестности».

В бухте Тихой Седов начал изучать английский язык. В дневнике встречаются столбцы английских и русских слов.

6 октября 1913 года он сделал такую выписку из книги:

«Жизни только тот достоин,
Кто на смерть всегда готов».

Запершись в маленькой своей каюте, он подолгу сидел перед столиком, на котором рядом с чернильницей, в полированной рамке, стояла фотография молодой женщины. Иногда такая воца-

рялась на корабле тишина, что слышно было через дверь, как тикают висящие в кают-компании часы. Даже по вечерам, когда собирались вокруг общего стола члены экспедиции — географ, художник, врач, геолог, штурман, голоса их звучали приглушенно, все помнили: начальник болен.

3 декабря Седов записал: «Среди команды и офицеров началась какая-то общая слабость и уныние. Я тоже это чувствую, имею на деснах несколько красноватых пятен. Не зачатки ли цынги? Доктор смазал иодом. Я приказал давать офицерам и команде моржа в пищу из собачьего запаса».

На следующий день он сделал такую запись: «Скорее бы уже итти к полюсу, пока здоровы, а то, чего доброго, еще заболеешь серьезно. Что-то плохо самочувствие...»

5 декабря: «...Сегодня просил Владимира Юльевича Визе примириться с тем, что ему нельзя итти вместе со мной к полюсу, так как он нужен очень на судне для научных работ экспедиции».

31 декабря: «В полдень я почувствовал сильную боль в ноге, едва могу наступать...»

«Совсем разбиты ноги ревматизмом. По определению врача — простуда. Слегка повышена температура, и кашель», записал он 2 января 1914 года.

Через несколько дней в его тетради появились следующие строки: «Грустно на душе, а на дворе еще грустнее: ветер то заметет, то затихнет.

Темно, беспросветно. Читаю Гюго «Отверженные». Переживаю страдания Жан-Вальжана. Здоровье мое ухудшилось. Сижу и лежу, запершись у себя в каюте...»

12 января он спрашивал: «Неужели я не выздоровею к походу на полюс?! Выступать надо 1 (14) февраля, то есть через месяц. Лучше бы уже потом заболеть. Все к походу хотя бедно, но приблизительно готово».

Среди участников экспедиции всю зиму шла почти неслышная, но упорная борьба, шел спор о здоровье начальника. Седов видел это по вахтенному журналу, на страницах которого велась изо дня в день сдержанная, но злая полемика.

С одной стороны выступал доктор Кушаков. В вахтенном журнале, дежуря по кораблю, он неизменно отмечал то улучшение здоровья начальника, то полное его выздоровление. 1 января вахтенный начальник Визе записал: «У начальника экспедиции сегодня утром внезапно обнаружились в резкой форме признаки сильного ревматизма в ногах». На другой день это же подтвердил геолог Павлов. На третий день дежурил Кушаков. Его запись была коротка и оптимистична: «У начальника экспедиции боли в ногах уменьшились».

7 января Павлов снова отметил: «Недомогание и упадок сил». Очередной вахтенный — Кушаков, и он спешит рассеять тревогу: «Чувствует себя гораздо лучше».

Так продолжалось всю зиму, до отправления в роковой поход.

Седов видел эту полемику в вахтенном журнале. До него доходили и отголоски ропота, который возбуждало поведение Кушакова. В воздухе кают-компании носился дух подозрения: «Что-то очень уж старается наш Павел Григорьевич спровадить Седова на полюс. Не жажда ли власти одолевает его?..»

Седов догадывался обо всем, но не придавал значения этой борьбе, ибо в сознании своем видел лишь одну необходимость — итти к полюсу. А что до врачебной практики Кушакова, то она хоть и внушала подозрение, но была ему отчасти наруку. Кушаков, осердясь на своих оппонентов по вахтенному журналу, записал решительно и грубо: «Он совершенно здоров». Это помогло Седову в дружеском споре со спутниками, который возник накануне отправления полюсной партии.

Они убеждали его отменить поход; очень много благоразумных доводов, логика осторожности, против которой нечего возразить...

Седов записал в своем дневнике:

«Пишу приказы и письма домой. Все это, может быть, посмертное...»

Но спутников своих он убеждал, ссылаясь на Кушакова, что болезнь у него несерьезная, что на вольном воздухе, в движении, здоровье к нему вернется.

Действительно, ему и самому хотелось верить в удачу. Девятьсот с лишним верст от бухты Тихой до полюса и столько же до Большой Земли. Пожалуй, вырваться из Петербурга и добраться до бухты Тихой было труднее, а он ведь добрался!

15 февраля, утром, Седов сделал получасовую прогулку, чтобы разведать, хорош ли путь для нарт. Когда он вернулся на судно, все увидели, что он бледен, задыхается. Подымаясь по трапу, он пожаловался на боль в ногах.

Все собрались в кают-компании. Кушаков начал богослужение. Потом дежурный В. Ю. Визе стал читать приказы начальника. В одном из них говорилось: «Я хотел бы прежде всего просить вас, чтобы мною заведенный порядок в экспедиции по возможности не менялся...» Дальше следовали подробно и заботливо составленные указания о продолжении научных работ, о необходимости соблюдать осторожность во время санных походов, о заготовке звериных шкур и сала для топки, о том, какие части судна можно сжечь на обратном пути в Архангельск. «По приходе в Россию не беспокойтесь ходатайствовать о посылке за нами судна, так как это будет напрасная трата средств, ибо если нам суждено будет уцелеть, то мы и самостоятельно доберемся домой», говорилось в десятом пункте инструкции, оставляемой Седовым своим спутникам. Заключительные слова ее были: «Одной из главных ваших задач является внима-

тельная забота о здоровье и сохранности жизни людей экспедиции, благополучный исход чего послужит большой пользой для дела и высокой наградой для вас».

Второй приказ был прощанием Седова с остающимися на «Фоке».

«В Петербурге мы предполагали попасть в первый же год на Землю Франца-Иосифа, а на следующий год итти к полюсу, причем итти на пяти-шести нартах при пятидесяти-шестидесяти собаках, с сильным снаряжением и большим запасом свежих сил у людей, а попали лишь на второй год и то с большим трудом. Итти на полюс принуждены не на шести нартах, а лишь на трех и то неполных, при четырех уцелевших собаках и, следовательно, в силу необходимости при сокращенном комплекте людей, в которых, к большому нашему общему горю, нельзя не заметить некоторого упадка сил, как нравственных, так и физических».

Многие в кают-компании понимали, что это последний приказ Седова, прощание навсегда.

«Итак, сегодняшний день, — читал дежурный, — мы выступаем к полюсу; это событие и для нас и для нашей родины. Об этом дне мечтали уже давно великие русские люди — Ломоносов, Менделеев и другие. На долю же нас, маленьких людей, выпала большая честь осуществить их мечту и сделать посильное научное и идейное завоева-

ние в полярном исследовании на гордость и пользу нашего отечества...

Пусть же этот приказ, пусть это, быть может, последнее мое слово послужит вам памятью взаимной дружбы и любви.

До свидания, дорогие друзья!..»

Минуту длилось молчание, когда умолк голос дежурного. Затем заговорил Седов:

— Пришло время: сейчас мы начнем первую попытку русских достичь Северного полюса... На нас лежит ответственность продолжить труды людей, которыми Россия может гордиться. Я прошу: не беспокойтесь о нашей участи...

Помолчав, добавил:

— Долг мы исполним.

В заключение он просил остающихся не унывать, не падать духом и надеяться на скорое возвращение на родину.

— Мне хочется сказать вам не «прощайте», а «до свидания»!..

Так прошел последний час на «Фоке».

КОНЕЦ ПУТИ

Седов — в конце своего пути: примерно 82° северной широты, покрытый льдом пролив между какими-то неведомыми островками на севере архипелага Земли Франца-Иосифа. Неугомонный норд-норд-вест рвет и хлещет палатку с пьяной бешеной силой.

Холодно... Справа спит Линник, слева Пустошный. Матросы придумали такой порядок, чтобы ему, Седову, было теплее. Он не ошибся, выбирая себе спутников.

Приступ кашля. Кашель сухой. И все крепче мороз. Плохо болеть, когда Цельсий показывает минус 35...

Закусив губу, Седов делает усилие и перекладывает больную ногу. Эта ночь бесконечна. Спят Линник и Пустошный. У Линника вчера шла горлом кровь. Хорошие ребята, бедные ребята...

Две или три минуты его душит новый взрыв кашля. Он приподнимается, мех сползает с него. Воздуха, воздуха... Неимоверным усилием он разрывает одеревяневшими пальцами ворот рубахи. Как хорошо, приступ окончился, дыхание, жизнь...

Просыпается Пустошный и укладывает больного начальника на меховую постель, укрывает ему грудь, плечи.

— Зажги примус, холодно, — говорит Седов.

Он ощущает страшную усталость. Спать, спать...

Пустошный встает, ползет из палатки, возвращается с бидоном, начинает в темноте возиться с примусом.

— Не надо, отставить примус, — говорит Седов, — керосин беречь...

Пустошный на четвереньках подползает к нему, видит: начальник без памяти. Он зажигает примус и держит его над грудью Седова...

Седов приходит в себя. Он трогает матроса за локоть.

— Ложись спать, отставить примус, — говорит он Пустошному.

Тот молча гасит огонь, сваливается набок и засыпает.

Седов лежит с открытыми глазами.

Как много мыслей! Когда отняты силы, чтобы итти, остается еще память, и человек живет.

С хутора Кривая Коса он бежал в Ростов. Для того чтобы ловчее было, снял сапоги и бежал, оглядываясь — нет ли из дома погони.

Он был матросом и грузчиком. В жизни ему чертовски везло. Нельзя отрицать: сыновья рыбаков не часто получают золотые погоны. Блестящая карьера! Это было нелегко, но он хотел этого и достиг.

В жизни он встречал с самого детства много тяжелых препятствий и не раз преодолевал то, что другому было бы не под силу.

У него было его единственное богатство — железная воля, деятельный и ненасытный ум, могучее здоровье. Завоевание полюса представлялось ему поединком между человеком и природой, единоборством...

Почему же сейчас — смерть? Может быть, нужно было во-время отступить? И когда?

Уж не тогда ли, в мае, когда получил это длинное, отпечатанное на холодной глянцевой бумаге постановление совета министров?

Нет, он не отступил. Он начал борьбу. Нужно было найти поддержку — любой ценой!

И вот он, гидрограф и офицер, превратился в лектора и литератора. Еще в XVII веке, говорил он, простой казак Семен Дежнев дошел до Колымы, а затем проник в Берингов пролив, который тогда и названия не имел. Поморы в своих плоскодонных кочах и шитиках, едва скрепленных корнями сосны и проконопаченных мхом, под парусами из оленьих кож испокон веков ходили на Грумант, который много позже лег на карту под названием Шпицбергена. Свои деревянные якоря, с навязанными камнями, писал он тогда, бросали они в неведомые воды Дальнего Севера и качались на мочальных или корневых канатах в бухтах Груманта, Новой Земли, у Таймыра и островов Новой Сибири, о чем теперь свидетельствуют только кресты, поставленные ими...

Савва Лошкин, Харитон и Дмитрий Лаптевы, Семен Дежнев, Яков Пермяков — они были не только герои его, но и предки по крови и духу. Он чувствовал себя правнуком этих неугомонных открывателей новых земель. И, как они, он грезил о новых морских дорогах, об островах с непуганным зверем, любил север и чуял, предприимчивый, как они, необыкновенные богатства за морями. Его охватывала благородная ревность, когда он читал об успехах иностранцев — Пири, Шеклтона, Амундсена. Он был убежден, что России первой должна принадлежать честь изучения

полярных стран, и ощущал в себе как раз ту силу и волю, которые нужны для этого.

...А ветер не утихает. Палатка обвисла под снегом, обледеневший брезент — над самым лицом. Опираясь на локти, Седов перебирается на вершок дальше, в глубину палатки. По ногам пробегает острая боль.

...Август. Архангельск. Расцвеченный флагами «Святой мученик Фока» — у Соборной пристани.

Он может еще отступить. Время позднее, экипаж снят этим вором Дикиным. Лучше отменить, отставить до следующего года.

Нет! Он не отступил. Отступать было некуда. Отменять выход «Фоки» — значило отказаться от экспедиции навсегда, иначе говоря, сдаться.

А, может быть, не надо было после зимовки на Новой Земле пробиваться на север? Не лучше ли было тогда, по чистой воде, повернуть на зюйд, как хотели его спутники?

Нет, и тогда он не мог отступить... Он сказал, что дойдет до Земли Франца-Иосифа. И дошел. Прав оказался он. Никто не сможет упрекнуть его в том, что программа экспедиции не выполнена. Важнейшее дело для науки — исследование Новой Земли, которое он произвел со своими спутниками, с лихвой покрывает все расходы, оправдывает все усилия. А полюс — это уж дело его жизни, только его жизни. На полюс он никого не принуждал итти. Если бы матросы не согласились, он и один пошел бы...

Он в забытьи. Ему кажется, что он идет за нартой. Ветер бьет в лицо. Дышать трудно. Нордовый ветер. Снег. Это не снег — иглы летят в лицо. А все-таки он будет итти! Линник, Пустошный, гоните собак! На север!..

Матросы держат его за плечи. Его опять душит кашель. Фыркает примус. Уже утро. Встать!

Он поднимается. Ветер стих. Слышна только грызня собак, получивших корм.

— Гору видать, — говорил Линник.

Она стоит на льду пролива.

Седов, согнувшись, выходит из палатки.

Прямо перед ней, на том берегу пролива, под рваными лохмотьями тумана, торчат округлые бока острова.

— Земля кронпринца Рудольфа, — говорит Седов

— Будем собираться, Георгий Яковлевич?

— Надо, Линник, переехать нам на ту сторону.

Седов повертывается лицом к югу. Над горизонтом горит холодным пламенем отблеск солнца, которое сегодня не взошло.

Линник и Пустошный складывают палатку, сбивают собак к нартам. Одна нарта — Передовая, другая — Льдинка, третья — Ручеек. Названия придумал начальник. Льдинка — так он называл жену Веру.

Седов сидит на сугробе.

Готово, лагерь погружен на нарты. Десять часов, пора трогаться.

Матросы шепчутся между собой. Потом Линник, он смелее, сам начинает:

— Георгий Яковлевич, что я хотел сказать...

Седов вздрагивает.

— Отправляемся, — говорит он и идет, прихрамывая, к нарте.

— Привязывайте меня, как вчера. Ходок я плохой...

Пустошный помогает ему вскарабкаться на кладь, привязанную к нарте. Линник укутывает его спальным мешком.

Пустошный крестится, отвернувшись в сторону.

— А может, повернуть нам к «Фоке»? — спрашивает Линник. — Там и поправиться можно...

Седов молчит.

— Мы думаем, так-то лучше, — добавляет Линник.

Седов достает компас.

— Трогай, — говорит он, — на север.

Матросы кричат на собак, нарты ползут по льду пролива — дальше на север.

Седов сидит на второй нарте, отвернувшись от ветра. Как будто спит или думает — голову опустил. Линник подходит, начинает на ходу поправлять меховой мешок на Седове. Седов оглядывается, подносит к глазам компас.

— Так держать на север.

— Есть так держать, — отвечает Линник.

ИЗ ДНЕВНИКА СЕДОВА

«*Суббота, 15 февраля*

...Пройдя около 1½ верст, наткнулись на сплошной тонкий (1 вер.) солончак. Взошли первой нартой на него (Льдинкой), а она и провалилась, вместе с ней и собаки. Люди держались свободно. С большим трудом вытащили нарту назад, ничего не подмочив, так как каяк великолепно плавал. Остановились здесь же ночевать и ждать, пока достаточно замерзнет пролив. Сегодня у воды видели стада тысячных птиц: люмсы и кайры.

Я ужасно разбит болезнью. Сильнейший бронхит, болит горло и опухли ноги. Лежу все время в мешке, настоящий мученик».

Он открывает глаза. Матросы не спят. Пустошный смотрит на него. Линник возится с консервной банкой.

— Уже утро? — спрашивает Седов.

— Сегодня, Георгий Яковлевич, будет, наверное, солнышко.

— Да... Шестнадцатое февраля. Ночь кончилась.

Линник открыл банку.

— Компот, — говорит он.

Седов берет банку, но одной рукой не может ее удержать. Он ухмыляется, освобождает из-под меха другую руку. Подержав с минуту, отдает банку матросу.

Матрос вздыхает.

Седов беспокоится:

— Что же мы тут сидим?.. Может быть, пролив замерз. Надо итти дальше...

Пустошный отрицательно качает головой.

Проходит еще два часа. Матросы ушли дальше по льду пролива посмотреть — не замерзла ли полынья, преграждавшая путь.

Если залив замерз, можно будет перейти на Рудольфа. В Теплиц-бае продовольственный склад Абруццкого. Передохнуть, поправиться и опять итти. Конечно, на север!

Как тихо вокруг. Матросы ушли. Не случилось ли с ними чего-нибудь? И собак не слышно. Безмолвие.

Надо встать, выйти. Но не держат ноги...

Упала банка с провизией. Снова кашель. Страшная слабость.

Он лежит ничком, головой к выходу. Постепенно силы возвращаются к нему.

Не дошел русский человек до полюса. Умер, скажут, в пути, не свершив обещанного подвига. Но как хотелось бы заглянуть вперед, увидеть осуществление того дела, на которое он пошел первый!

Пойдет ли кто-нибудь по проторенному следу? Или навсегда сгинет этот след под снегом? Дорога на полюс, увидит ли она других русских — удачливых и счастливых?

Никогда он не чувствовал себя так неотделимо

слитым с родиной, как здесь, в палатке, за тысячи верст от России.

Собаки завизжали. Он вслушивается: скрипит снег, идут! Замерз или не замерз пролив?

Они кричат. Что случилось?

— Солнце, Георгий Яковлевич, выходите!

Седов поднимается на ноги без помощи матросов. Шатаясь, он стоит у входа в палатку. Голова обнажена.

Понизу струится снег. Выше громоздятся обледенелые кручи. Вершины завернуты в серую вату. И над этим холодным миром висит огненная капля солнца. Пробиваясь лучами сквозь завесы тумана и снега, солнце светит в лицо человеку. Вездесущее, оно обогревает песчаник Кривой Косы, блестит на камне и стеклах Петербурга. Солнце родины, оно видит нас!

Седов не отводит глаз от солнца. Бледные губы его шевелятся. Матросы думают: начальник молится.

Но розовый диск бледнеет, тает, исчезает в облаках. Матросы подходят к Седову, становятся по обе стороны начальника. Их лица черны от мороза, ветра и копоти. Все трое молчат.

Вечером, при свете примусной горелки, едва удерживая в дрожащей руке карандаш, Седов пишет:

Воскресенье, 16 февраля

...Увидели выше гор впервые милое, родное солнце. Ах, как оно красиво и хорошо! При виде его в нас весь мир перевернулся. Привет тебе, чудеснейшее чудо природы! Посвети нашим близким на родине, как мы ютимся в палатке, как больные, удрученные под 82 градусом северной широты...»

Карандаш выпадает из его руки, фраза остается неоконченной.

Солнце родины светило ему в последний раз. Впереди была вода. Если бы не вода была, а лед, он шел бы дальше, до последнего вздоха.

В ночь на 20 февраля (пятое марта по новому стилю) ртуть в термометре сползла ниже сорока. Никто не спал в палатке. Жгли последний керосин. Седов вылез из мехового мешка, присел к примусу.

Пустошный сказал:

— Принесу банку, — и кивнул на Седова.

Потом они грели на примусе банку с супом. Седов поднял ресницы, покачал головой: не буду.

Когда настал день, у Седова началась агония. Он хотел жить. Вытянув шею, открыв рот, он силился втянуть воздух. Порывался приподняться, встать и с последним вздохом прохрипел:

— Линник, Линник... поддержи...

Так он умер.

Матросы накрыли его лицо чистым платком.

Полынья ночью замерзла. Линник с Пустошным перешли, наконец, пролив, перевезли тело начальника на остров и похоронили Седова над морем, на крутой обледенелой скале, выдолбив киркой неглубокое ложе и завалив могилу камнями. Крест соорудили из двух лыж, принадлежавших Седову. На могильный холм положили флаг, который Седов хотел водрузить на полюсе.

Постояли у могилы и пошли на юг.

Нелегко пришлось спутникам Седова на обратном пути. Но все же они пришли в бухту Тихую, где стоял во льдах «Фока». По рассказам матросов и по дневникам, члены экспедиции вывели заключение, что Седов погребен на юго-западной оконечности острова Рудольфа — на мыс Бророк.

Через пятнадцать лет после смерти Седова к мысу Бророк подошло судно. Это был ледокольный пароход «Георгий Седов». Судно остановилось, спустили шлюпку. Несколько человек вышло на берег. Берега острова Рудольфа обрываются в этом месте круто. Люди разбрелись. Перекликаясь между собой и советуясь, они искали могилу Седова. Поиски были безрезультатны. С глетчера, который обрывается в море на мысе Бророк, постоянно обваливаются глыбы. Они уносят в своем падении землю и камни. Прошло много лет после смерти Седова. «Должно быть, прах его унесен в море», решили люди с ледокола. Они собрались над обрывом. Двое из них положили на скалу

мраморную памятную доску. Родина помнила о Седове. Все обнажили головы.

Потом советские моряки сошли к шлюпке и вернулись на судно.

Прошло еще несколько лет. Остров Рудольфа стал обитаем... Уже и мечта Седова исполнилась: русские люди навсегда утвердили свой флаг — красный флаг Советского Союза — на вершине мира. Однажды жители острова сделали находку. Они нашли среди обледенелых камней деревянный шест с заостренным концом и с медной муфтой, на которой было выгравировано неумелой рукой «Sedov. Pol. Exped.» Это был флагшток, который намеревался Седов водрузить на полюсе. Здесь же оказались обрывки флага, оставленного матросами на могиле начальника. Теперь это были коричневато-зеленые лоскутья и комки, напоминающие мох или истлевшую кору. Не лучше выглядели обрывки меховой одежды, веревок и брезента. Все вместе это весило не более двухсот граммов. Поблизости лежал коричневый от ржавчины топорик с треснутым топорищем.

Все это было найдено не на мысе Бророк, где предполагалась могила Седова, а на мысе Аук, который находится в нескольких километрах к северо-западу от первого. С тех пор считают, что Георгий Седов был погребен на мысе Аук.

Седов погиб в первый год мировой войны, за три года до Октябрьской социалистической революции. Его имя замыкает собой длинный список русских исследователей-одиночек. Мощная фигура Седова стоит у самой границы новой эпохи завоевания Арктики. Люди, пришедшие вслед за ним на Землю Франца-Иосифа, были уже гражданами Советской страны. На острове Рудольфа, где оборвался жизненный путь Седова, построен ему достойный памятник — полярная станция. Отсюда стартовали на полюс советские люди, наученные партией Ленина — Сталина не отступать перед трудностями, ломать все препятствия на пути к цели.

Советская экспедиция проникла в центр Арктики по тому маршруту, который когда-то наметил Седов.

Через два десятилетия после смерти Седова Северный морской путь из Европы в Тихий океан был открыт для регулярных плаваний.

В 1939 году на XVIII съезде партии выступил Иван Дмитриевич Папанин, начальник первой зимовки «Северный полюс». С трибуны съезда прозвучали слова о Седове, о том, что мечта его осуществилась и честь освоения Арктики принадлежит нашей стране. Жизнь талантливого и отважного русского человека — моряка и исследователя Георгия Седова, величие идеи, которой посвятил он свою жизнь, его благородный патриотизм — все это ставит начальника первой рус-

ской экспедиции к Северному полюсу в один ряд с самыми славными деятелями и героями нашего отечества.

Память о Седове жива в народе. След его нарт не пропал под снегом. Флаг, который хотел он водрузить на полюсе, истлел, но дело и подвиг его нетленны.

«Мы помним и ценим отвагу русских исследователей, наших предшественников на Севере, чьи жизни и труд не пропали даром. Сын азовского рыбака, русский моряк Седов пытался пройти к Северному полюсу и погиб на пути к этой заветной точке.

...В наши дни, в эпоху Сталина, мечта Седова получила признание и осуществилась».

Из речи И. Д. Папанина
на XVIII съезде ВКП(б).

СОДЕРЖАНИЕ

Цена 1 руб. 25 коп.